

о

ЕКАТЕРИНѢ ВЕЛИКОЙ,

СОСТОЯВШАГО ПРИ ЕЯ ОСОБѢ

СТАТСЪ-СЕКРЕТАРЯ

Адріана Моисеевича Грибовскаго.

Съ присоединеніемъ отрывковъ изъ его жизни.

МОСКВА.

1847.

ЗАПИСКИ

о

ЕКАТЕРИНѢ ВЕЛИКОЙ.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С.-Петербургъ, 12-го Іюня 1847 года.

Цензоръ А. Очкинъ.

ЗАПИСКИ

о

ЕКАТЕРИНѢ ВЕЛИКОЙ,

СОСТОЯВШАГО ПРИ ЕЯ ОСОБѢ СТАТСЪ-СЕКРЕТАРЯ И КАВАЛЕРА АДРІАНА МОИСЕЕВИЧА ГРИБОВСКАГО.

Много писано о Екатеринѣ Великой, но никто почти изъ писавшихъ о ней не былъ при ея особѣ, а многіе изъ нихъ и никогда съ нею не говорили. Всѣ они заимствовали свѣдѣнія о сей Монархинѣ изъ публичныхъ происшествій, или изъ ея законовъ, уставовъ и другихъ сочиненій. Отъ сего она представлена въ сихъ описаніяхъ торжествующею побѣдительницею, премудрою законодательницею, одаренною величайшимъ геніемъ, и проч. Все сіе, конечно, справедливо; но изображеніе прекрасныхъ

свойствъ ея, отъ которыхъ проистекли всѣ великія ея дѣянія, увѣнчавшія ее неувядаемою славою, изображеніе которыхъ наиболѣе для человѣчества поучительно и для каждаго вожделѣнно, почти непримѣтно въ означенныхъ сочиненіяхъ. Бывшіе приближенные къ ея особѣ по дѣламъ государственнымъ, Князь Потемкинъ, Зубовъ, Графъ Безбородко и Статсъ-Секретари ея Поповъ, Трощинскій и другіе, имѣли, конечно, возможность узнать сіе ея свойство во всѣхъ отношеніяхъ, вѣрно и подробно, но оставили земное свое поприще, не оставя для публики никакихъ о великой благотворительницѣ ихъ записокъ.

Одинъ только знатный иностранецъ, пользовавшійся ея особеннымъ благоволеніемъ, остроумный Принцъ де-Линь, начерталъ бѣглою и смѣлою кистію краткое изображеніе Екатерины свойства (которую онъ называетъ Екатериною Великимъ); но и сей знаменитый писатель видѣлъ ее и говорилъ съ нею всегда или на публичныхъ собраніяхъ или на вечернихъ ея бесѣдахъ, при другихъ особахъ, когда она всегда

была въ полномъ уборѣ, и когда рѣчь состояла изъ общихъ о предметахъ разговоровъ: почему и написанный имъ портретъ ея представляетъ болѣе политическую, чѣмъ приватную картину. Но чтобы узнать и понять приватный характеръ сей необыкновенной особы, надобно было видѣть ее каждый день съ 9-ти часовъ утра, въ своей спальнѣ, сидя въ утреннемъ уборѣ, когда она, за выгибнымъ маленькимъ столикомъ, занималась государственными дѣлами съ докладчиками: Статсъ-Секретаремъ, съ Вице-Канцлеромъ, съ Генералъ-Прокуроромъ; когда рѣчь шла о мѣрахъ безопасности и благосостоянія государства, о военныхъ дѣйствіяхъ во время войны, и пополненіи недостатковъ государственныхъ доходовъ, о новыхъ рекрутскихъ наборахъ, о исправленіи упущеній высшихъ или судебныхъ мѣстъ или начальствующихъ лицъ, когда надлежало утвердить или отмѣнить сдѣланный о дворянинѣ приговоръ: тогда и власть и величіе Императрицы чудно сливались съ чувствами человѣка, и во всей полнотѣ открывали самыя сокровенныя мысли и ощущенія души и сердца ея. Только въ сихъ случаяхъ

можно сдѣлать справедливое о характерѣ сей Монархини заключеніе.

Бывъ нѣкоторое время въ нѣкоторыхъ изъ сихъ засѣданій, по должности Статсъ-Секретаря, вознамѣрился я описать нѣкоторыя случившіяся при мнѣ событія, коихъ я самъ былъ очевидцемъ, и которыя можно назвать нѣкоторымъ дополненіемъ къ учиненному Принцемъ де-Линь общему изображенію Екатерины Великія.

ИЗОБРАЖЕНІЕ ЕКАТЕРИНЫ II.

Екатерина Великая не существуетъ: слова ужасныя! (*) Вчера не могъ бы я написать ихъ, но сегодня, въ свободнѣйшемъ духѣ, представляю то понятіе, какое имѣть о ней должно.

Видъ ея извѣстенъ по ея портретамъ, гдѣ оный всегда почти вѣрно изображенъ. До сего за шестнадцать лѣтъ она была собою еще хороша. Тогда видно было, что она имѣла въ младости болѣе красоты, чѣмъ прелести. — Величіе чела ея умѣряемо было пріятностію глазъ и улыбкою, но чело сіе все знаменовало. Не бывши Лафатеромъ, можно было читать на

(*) Сіе писано въ исходѣ 1796 года.

ономъ, какъ въ книгѣ, геній, справедливость, правый умъ, неустрашимость, глубокомысліе, неизмѣняемость, кротость, спокойность. Широкость чела сего показывала пространность памяти и воображенія ея; можно было видѣть, что тамъ для всего было мѣсто. Подбородокъ ея не крутой имѣлъ положеніе прямое и благородное. Обликъ ея въ сокровенности не былъ правильный, но долженъ былъ крайне правиться, ибо открытость и веселость всегда были на ея устахъ. Она была въ одѣяніи изыскательна; но еслибъ прическа ея не была слишкомъ вверхъ подобрана, то волосы, распускаясь около лица, нѣсколько бы оное закрывали, и это бъ ей лучше пристало. — Не можно даже было замѣтить, что она была небольшаго роста.

Она говорила протяжно, и что была чрезвычайно рѣзва, того однакожь въ послѣдствіи и вообразить нельзя было. Три ея поклона по-мужскому всегда были одинаковы по выходѣ въ залу собранія: одинъ направо, другой налѣво, а третій въ средину. Въ семъ отношеніи все въ мѣру и правила было приведено.

Она умѣла слушать, и такой былъ у нея навыкъ присутствія ума, что, казалось, понимала посторонній разговоръ, когда о другомъ думала. Она говорила для того, чтобы говорить, и оказывала вниманіе къ тому, кто съ ней разговаривалъ. Сдѣланное ею сначала малое впечатлѣніе безпрестанно въ послѣдствіи возрастало. — Если бы вселенная разрушилась, то она осталась бы impavida; великая душа ея вооружена была стальною бронею противъ превратностей. — Восторгъ повсюду за нею слѣдовалъ.

Если бы полъ Екатерины Великой дозволилъ ей имѣть дѣятельность мужчины, который можетъ самъ все видѣть и входить во всѣ подробности лично: тогда въ ея Имперіи не было бы ни одного злоупотребленія. Исключая сіи мелочи, она была, безъ сомнѣнія, выше Петра I, и никогда бы не сдѣлала его капитуляціи при Прутѣ (*). Напротивъ, Анна и Елисавета были бы посредственные мужчины; но какъ женщины, царствованіе ихъ было не безславно. Ека-

(*) Смѣемъ почитать это пристрастіемъ. *Изд.*

терина II совокупила въ себѣ ихъ качества со всѣми тѣми, которыя содѣлали ее болѣе создательницею, чѣмъ самодержицею своей Имперіи. Она была далеко искуснѣе въ политикѣ сихъ двухъ Императрицъ, никогда не пускалась наудачу, какъ Петръ Великій, и ни въ побѣдахъ, ни въ мирѣ не имѣла ни одной неудачи. — Императрица имѣла всю изящность, т. е. все величіе Людовика XIV: ея великолѣпіе, ея праздники, ея пенсіи, ея покупка рѣдкостей (въ предметахъ изящныхъ наукъ и художествъ), ея пышность, уподоблялись ему. Но Дворъ ея лучшій видъ представлялъ, потому что въ немъ ничего не было театральнаго и преувеличеннаго; также смѣсь богатыхъ воинскихъ и азіятскихъ одѣяній различныхъ племенъ, престолъ ея окружавшихъ, придавала оному великую важность.

Безъ большаго труда Людовикъ XIV почиталъ себя nec pluribus impar; Александръ называлъ себя сыномъ Юпитера-Аммона: слова Екатерины имѣли, конечно, большую цѣну, но она не показывала вида, что слишкомъ дорого ихъ ставитъ. Не наружнаго поклоненія она требовала. Видъ Людовика XIV приводилъ въ тре-

нетъ, видъ Екатерины II ободрялъ каждаго. Людовикъ XIV былъ въ упоеніи отъ своей славы; Екатерина II ее искала и умножила (*), не выходя изъ предѣловъ разсудка, который можно было бы потерять среди очарованій торжественнаго путешествія въ Тавриду, среди нечаянныхъ встрѣчь эскадръ, эскадроновъ, иллюминацій на пятьдесятъ верстъ въ окружности, волшебныхъ, чертоговъ и садовъ, для нея въ одну ночь созданныхъ — среди успѣховъ поклоненія, видя у ногъ своихъ Господарей, Кавказскихъ владѣтелей, гонимыхъ фамилій Государей, пріѣзжавшихъ просить у нея помощи или убѣжища. Вмѣсто того, чтобы отъ всего возгордиться, она сказала, при осмотрѣ поля сраженія при Полтавѣ: »Вотъ отъ чего зависитъ судьба государствъ! »Одинъ день рѣшилъ ее! Безъ той ошибки, »какую Шведы сдѣлали, какъ вы, господа, мнѣ »замѣтили, мы бы теперь здѣсь не были.«

Ея Императорское Величество говорила о роли, какую должно въ свѣтѣ играть (**); совер-

---

(*) Здѣсь должна быть описка въ рукописи. *Изд.*
(**) Также. *Изд.*

шенно понимала свою собственную; но въ какомъ бы званiи ни обязана она была ее представлять, она съ равнымъ бы успѣхомъ ее исполнила при своей глубокой разсудительности. Но роль Императрицы всего лучше пристала къ ея лицу, къ ея походкѣ, возвышенности ея души и къ необъятности ея генiя, столько же обширнаго, какъ и ея Имперiя. Она себя знала и умѣла дарованiя другихъ цѣнить. Счастiе или склонность участвовали въ выборахъ Людовика: Екатерина выбирала людей въ спокойности духа и каждому назначала свое мѣсто... Она иногда говорила: »Странно видѣть безпокойство инаго »генерала или министра; когда я ласково обра»щаюсь съ его противниками, которыхъ я не »могу для сего считать своими недоброжелате»лями, и употребляю ихъ по службѣ, потому »что они имѣютъ къ тому способности; они »воображая себѣ, что я обязана удалять отъ »службы людей для нихъ непрiятныхъ, кажутся »мнѣ очень странными.« — Иногда она полагала на вѣсы свое довѣрiе къ одному и другимъ, которые симъ способомъ усугубляли къ службѣ рвенiе и болѣе остерегались. По сему-то искус-

ству ея заставлять усердно себѣ служить и не давать себя водить, Принцъ де-Линь писалъ къ Императрицѣ: »Говорятъ очень много о Пе»тербургскомъ Кабинетѣ, но я не знаю ни од»ного, который бы былъ менѣе сего: въ раз»мѣрѣ нѣсколько онъ дюймовъ только имѣетъ, »простирается отъ одного до другаго виска и отъ »верхней части носа до волосъ.«

Императрица, выѣзжая изъ губерній, которыя посѣщала, изъявляла чиновникамъ свое удовольствіе, признательность, и дѣлала имъ подарки.

— Развѣ Ваше Величество всѣми этими людьми довольны? — »Не совсѣмъ, отвѣчала она: но я хвалю громко, а браню потихоньку.«

Она говорила одни слова добрыя, но никогда острыхъ словъ не говорила. Разговоръ ея былъ простъ, но подобно огню воспламенялся и ввыспрь воспарялся при изящныхъ чертахъ исторіи, чувствительности, величія или государственнаго управленія. Всего болѣе противопо-

ложность простоты бесѣды ея въ обществѣ съ великими ея дѣлами была въ ней очаровательна. Она смѣялась отъ сказаннаго кѣмъ-либо неловкаго слова и даже глупости, и развеселялась отъ мелочи; вмѣшивалась въ самыя малыя шутки и сама очень смѣшно ихъ повторяла. — »Что мнѣ дѣлать, говорила она: »мамзель *Гар»дель* болѣе этого меня не выучила. Эта моя »гофмейстерина была старосвѣтская Францу»женка: она нехудо меня приготовила для заму»жества въ нашемъ сосѣдствѣ; но право, ни дѣви»ца Гардель, ни я сама, не ожидали всего этого.«

Во время сраженія въ послѣднюю Шведскую войну, она писала Принцу де-Линь: »Ва»ша непоколебимая (такъ называлъ се Принцъ) »пишетъ къ вамъ при громѣ пушекъ, отъ ко»тораго трясутся окна моей столицы.« — Ничего я не видѣлъ скорѣе и лучше сдѣланнаго (прибавляетъ де-Линь), какъ ея распоряженія въ сію внезапную войну, которыя собственною ея рукою написаны и присланы были къ Князю Потемкину во время осады Очакова. Въ концѣ написано: »Хорошо ли я сдѣлала, учитель?«

Императрица знала почти наизусть Перикла, Ликурга, Солона, Монтескьё, Локка, и славныя времена Аѳинъ, Спарты, Рима, новой Италіи и Франціи и исторіи всѣхъ государствъ, и обвиняла себя въ невѣжествѣ; но только для того, чтобы имѣть поводъ къ шуткамъ, и шутить надъ врагами, надъ академіями, надъ полуучеными и надъ важными знатоками.

Воздвигнутыя ею зданія содѣлали Петербургъ наипрекраснѣйшимъ городомъ въ свѣтѣ; въ немъ собрала она превосходныя произведенія во всякомъ родѣ.

Когда ей сказали, что она все говорила, перемѣняла, приказывала, начинала и оканчивала по предпринятію, которое всегда сбывалось, она отвѣчала: »Можетъ быть, это и походитъ на »правду, но все это надобно разсмотрѣть основательно. Графу Орлову одолжена я частію »блеска моего царствованія, ибо онъ присовѣ»товалъ послать флотъ въ Архипелагъ; Князю »Потемкину обязана я пріобрѣтеніемъ Тавриды »и разсѣяніемъ Татарскихъ ордъ, столько без-

»покоившихъ предѣлы Имперіи. Все, что можно »сказать, состоитъ въ томъ, что я была наставницею сихъ господъ. Фельдмаршалу Румянцеву должна я побѣдами; вотъ что только я »ему сказала: г-нъ Фельдмаршалъ! дѣло доходитъ до драки: лучше побить, чѣмъ самому »быть побитымъ. Михельсону я обязана поимкою »Пугачева, который едва было не забрался въ »Москву, а можетъ быть, и далѣе. — Повѣрьте, »я только счастлива, и если нѣсколько мною до»вольны, то это оттого, что я нѣсколько постоянна и одинакова съ моимъ правиломъ. Я предоставляю много власти людямъ, употребляемымъ отъ меня на службу. Если они обращаютъ это во зло въ губерніяхъ пограничныхъ »съ Персіею, Турціею и Китаемъ, то это худо; »но я стараюсь это узнавать. Хотя я и знаю, »тамъ говорятъ: Богъ и Императрица накажутъ, »но до Бога высоко, а до Царя далеко.... Вотъ »мужчины, а не болѣе какъ женщины!«

»Хорошо меня въ вашей Европѣ подчиваютъ, все говорятъ, что я прожилась и промоталась: однако же маленькое мое хозяйство

»идетъ все своимъ чередомъ.« Она любила сіи выраженія; когда хвалили порядокъ ея въ расположеніи часовъ ея занятій, она отвѣчала всегда: »Вѣдь надо же имѣть какой-нибудь порядокъ въ маленькомъ своемъ хозяйствѣ!«

Сила ея разсудка являлась въ томъ, что̀ несвойственно называютъ слабостью сердца. Между тѣми, которые, во время ея отдохновенія или для раздѣленія трудовъ, удостоивались ея самой близкой довѣренности и жили въ ея дворцѣ, ни одинъ не имѣлъ ни власти, ни кредита. Но когда кто-либо ею пріученъ былъ къ дѣламъ государственнымъ и былъ испытанъ въ тѣхъ предметахъ, для которыхъ угодно ей было его предназначить, таковый уже былъ ей полезенъ. Тогда выборъ сей, дѣлающій честь обѣимъ сторонамъ, давалъ право говорить правду, и его слушали.

Она говорила: »Мнимая моя расточительность есть на самомъ дѣлѣ бережливость: все »остается въ государствѣ и со-временемъ возвра»щается ко мнѣ; есть еще и нѣкоторый запасъ.«

Она давала дары всякаго рода, изъ пышности, какъ великая и могущественная Монархиня, по щедрости, какъ прекрасная душа, по благотворительности, какъ добрая душа, по состраданію, какъ женщина, и въ награду, какъ особа, желающая имѣть добрыхъ служителей. Не знаю, дѣйствіе ли то было ея ума, или такъ была ея душа настроена. Напримѣръ, она писала къ Суворову: »Вы знаете, что безъ старшинства нико»го не произвожу, считая невозможнымъ обойдти »старшинство; но вы сами себя произвели въ »Фельдмаршалы завоеваніемъ Польши.«

Въ путешествіи она всегда имѣла табакерку съ портретомъ Петра I-го, и говорила: »Это »для того, чтобы мнѣ спрашивать себя каждую »минуту: что̀ бы онъ приказалъ, что бы запре»тилъ, что̀ бы сдѣлалъ, будучи на моемъ мѣ»стѣ?«

Императрица очень была любима своимъ духовенствомъ, не смотря, что убавила у него богатства и власти.

Невозможно было никогда говорить предъ нею худо о Петрѣ I, ни о Людовикѣ XIV, также ни малѣйшаго слова вымолвить о вѣрѣ и нравственности; съ большимъ трудомъ можно было о сихъ вещахъ сказать что-нибудь двусмысленное, да и то крайне отвлеченно. Никогда сама она не позволяла себѣ говорить никакой легкомысленности ни въ семъ родѣ, ни на счетъ какого-либо лица. Если она иногда и шутила, то всегда въ присутствіи того, къ которому шутка относилась, которую она отваживалась иногда сказать очень ласково, и которая оканчивалась всегда доставленіемъ удовольствія самому участнику.

Я имѣлъ случай видѣть ся неробкость духа: предъ въѣздомъ въ Бахчисарай, двѣнадцать лошадей слабыхъ не могли на скатѣ горы поддержать большой нашей шестимѣстной кареты, понесли насъ или, лучше, унесены сами были каретою, — и казалось, что мы все переломаемъ. Я тогда гораздо бы имѣлъ болѣе страха, если бы не хотѣлъ видѣть, испугалась ли Импе-

ратрица : но она была также спокойна, какъ и на завтракѣ, за которымъ мы недавно сидѣли.

Она очень была разборчива въ своихъ чтеніяхъ: не любила ничего ни грустнаго, ни слишкомъ нѣжнаго, ни утонченностей ума и чувствъ; любила романы Лесажа, сочиненія Мольера и Корнеля и Виланда. »Расинъ не мой авторъ, »говорила она : исключая Митридата.« Нѣкогда Рабеле и Скаронъ ее забавляли, но послѣ она не могла объ нихъ вспомнить. Она мало помнила пустое и маловажное, но ничего не забывала достопамятнаго. Любила Плутарха, переведеннаго Аміотомъ, Тацита и Монтаня. — »Я скверная голова, говорила она мнѣ: разумѣю толь»ко старинный Французскій языкъ, а новаго » не понимаю. Я хотѣла поучиться отъ вашихъ »умныхъ господъ и испытала это ; нѣкоторыхъ »сюда къ себѣ приглашала и иногда къ нимъ »писала: они навели на меня скуку и не поняли »меня , кромѣ одного только добраго моего *по»кровителя* Вольтера. Знаете ли , что это онъ »ввелъ меня въ моду. Онъ очень хорошо мнѣ »заплатилъ за вкусъ мой къ его сочиненіямъ и

»многому научилъ меня забавляться.« — Императрица не любила и не знала новой литературы, и имѣла болѣе логики чѣмъ риторики. Легкія ея сочиненія, какъ напримѣръ, ея комедіи, имѣли цѣль поучительную, какъ-то: критику на путешественниковъ, на модниковъ, на моды, на секты, а особливо на мартинистовъ, коихъ почитала она вредными. — Всѣ ея письма къ Принцу де-Линь наполнены мыслями великими, сильными, удивительно ясными, иногда критическими, часто одною чертою выраженными, особливо когда что-либо въ Европѣ приводило ее въ негодованіе, и оканчивались шутками и добродушіемъ. Въ слогѣ ея видно болѣе ясности, чѣмъ легкости. Вотъ ея сочиненія. Глубокомысленныя ея »Записки касательно Россійской Исторіи« не уступаютъ хронологическимъ таблицамъ Президента Гапаля. Но малые оттѣнки, пріятныя подробности и цвѣтки неизвѣстны ей были. Фридрихъ II также не имѣлъ красокъ, но иногда имѣлъ прочее, и былъ болѣе литературнымъ писателемъ, чѣмъ Екатерина.

Она мнѣ иногда говорила: »Вы хотите надо мной »смѣяться: чтожъ я сказала? старин-

»ное Французское слово, которое было не въ »употребленіи, или другое худо выговоренное.«— Ваше Величество говорите, напримѣръ, baschant вмѣсто bachant (башантъ вмѣсто бакантъ). — Она мнѣ давала обѣщаніе поправиться, а послѣ опять заставляла на ея счетъ смѣяться.

Иногда сдѣлавши промахъ на биліардѣ, давала мнѣ выиграть у себя рублей двѣнадцать.

Самое наибольшее притворство ея состояло въ томъ, что она не все то говорила, что̀ знала. Никогда обманчивое или обидное слово не выходило изъ ея устъ: она была слишкомъ горда, чтобы другихъ обманывать; чтобы выйдти изъ затрудненій, полагалась на свое счастіе и на превосходство свое надъ происшествіями, кои она любила преодолѣвать. Нѣкоторыя, однакожь, мысли о превратностяхъ Людовика XIV при концѣ его царствованія, ей представлялись, но проходили какъ облака.

Я одинъ, можетъ быть, видѣлъ, что въ продолженіе одной четверти часа по полученіи

объявленія отъ Турковъ войны, она смиренно сознавалась, что нѣтъ ничего на свѣтѣ вѣрнаго, и слава и успѣхи не надежны. Но вслѣдъ за симъ вышла изъ своего покоя съ веселымъ видомъ, какъ была до пріѣзда курьера, и увѣренность на успѣхъ мгновенно всей своей Имперіи вдохнула.]

Я судилъ ее при жизни, какъ судили Египетскихъ Царей послѣ ихъ смерти, пробиваясь сквозь мракъ невѣжества и злобы, коими часто исторія затмѣвается. Иначе я могъ бы прелесть ея бесѣды (*) или лучше пересталъ бы оною наслаждаться.

Черты ея человѣколюбія были ежедневны. Однажды она мнѣ сказала: »Чтобы не разбу»дить людей слишкомъ рано, я зажгла дрова »въ каминѣ сама; трубочистъ-мальчикъ, думая, »что я встану не прежде шестаго часа, былъ »тогда въ трубѣ, и какъ чертенокъ началъ кри»чать. Я тотчасъ загасила каминъ и усердно »просила у него извиненія.«

(*) Здѣсь что-нибудь пропущено въ рукописи. *Изд.*

Извѣстно, что она никогда не ссылала въ Сибирь, гдѣ, впрочемъ, ссыльные очень хорошо содержались; никогда не осуждала на смерть. Императрица часто ходатайствовала за подсудимыхъ, требовала, чтобъ смѣло ей доказывали, что она ошиблась, и часто доставляла средства защищенія обвиняемому. Однакожь, я видѣлъ въ ней нѣкотораго рода мщеніе: это былъ милостивый взглядъ, а иногда благодѣяніе, чтобъ привесть въ замѣшательство людей, на которыхъ она имѣла причину жаловаться, но которые имѣли дарованія; это относилось, напримѣръ, на одного вельможу, говорившаго объ ней нескромно Вотъ черта ея деспотизма: она запретила одному изъ своихъ собесѣдниковъ жить въ собственномъ его домѣ, говоря ему: »Вы имѣть будете въ моемъ домѣ два раза въ »день столъ на двѣнадцать персонъ; всѣхъ тѣхъ, »которыхъ вы любили принимать у себя, вы »будете угощать у меня. Я запрещаю вамъ ра- »зоряться, не дозволяю дѣлать издержки, по- »тому что вы находите въ этомъ удовольствіе.«

Клевета, не пощадившая прекраснѣйшую, добродѣтельнѣйшую, чувствительнѣйшую, лю-

безнѣйшую изъ Королевъ, которой, болѣе другихъ, имѣю я возможность оправдать душу, — стремится, можетъ быть, безъ уваженія къ памяти знаменитѣйшей Монархини, покрыть терніемъ ея могилу; она исторгла цвѣты, долженствовавшіе украсить гробъ Антуанетты, она же захочетъ сорвать лавры съ гроба Екатерины!

Искатели анекдотовъ, изобрѣтатели пасквилей, невѣрные собиратели историческихъ происшествій, мнимо безпристрастные, чтобы сказать острое словцо, или достать денегъ, неблагонамѣренные и злонамѣренные по своему ремеслу, захотятъ, можетъ быть, умалить ея славу: но она надъ ними восторжествуетъ!

Любовь и обожаніе ея подданныхъ, а въ арміи любовь и пламенный восторгъ ея воиновъ, воспомянутся. Я видѣлъ сихъ послѣднихъ, въ траншеяхъ пренебрегающихъ пули невѣрныхъ и переносящихъ всѣ жестокости стихій, утѣшенными и ободренными при имени ихъ матушки, ихъ божества!

Наконецъ я видѣлъ то, чего никогда бы я при жизни Императрицы не сказалъ, и что̀ любовь моя къ истинѣ внушила мнѣ написать, на другой день, когда я узналъ, что блистательнѣйшее свѣтило, освѣщавшее наше полушаріе, навѣки скрылось!

НѢКОТОРЫЯ ЗАПИСКИ ИЗЪ ЖИЗНИ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ.

Въ первый разъ имѣлъ я счастіе услышать разговоръ Императрицы, когда представился для принесенія ей благодарности за удостоеніе меня быть при Ея Величествѣ. Это было въ Таврическомъ Дворцѣ, въ 10 часовъ утра. Государынѣ было угодно, чтобы я вошелъ въ кабинетъ, гдѣ она находилась, не чрезъ уборную, а чрезъ камеръюнгферскую комнату. Государыня сидѣла за большимъ письменнымъ столомъ, въ утреннемъ платьѣ. »Вы такъ много трудитесь,« сказала она, взглянувъ на меня своими голубыми глазами, и вмѣстѣ съ тѣмъ подала мнѣ руку, которую, ставъ на колѣни, поцѣловалъ я: »хорошо, прибавила она: съ этого времени мы »часто будемъ видѣться, а теперь подите съ »Богомъ.« Послѣднія слова была почти обыкно-

венная ея рѣчь при разставаніи. Когда хотѣлъ я выйдти первымъ путемъ, то она сказала: »позовите сюда Графа Алексѣя Григорьевича,« и взглянула на противоположную дверь, почему изъ кабинета вышелъ я въ уборную, гдѣ тогда давно находились уже въ собраніи всѣ бывшія при собственныхъ Ея Величества дѣлахъ, или имѣвшія для доклада дѣла особыя, или по другому случаю во дворецъ пріѣхавшія особы, какъ-то: Гр. Безбородко, Поповъ, Трощинскій, Турчаниновъ; тутъ же находился и Графъ Орловъ, который въ первый разъ по пріѣздѣ изъ Москвы во дворецъ пріѣхалъ. Всѣ они немало удивились, увидѣвъ, что я вышелъ изъ кабинета, въ который не знали, какъ я вошелъ. Хотя я никогда не видалъ еще Графа Орлова, но не могъ ошибиться: по высокому росту и нарочитому въ плечахъ дородству и по шраму на лѣвой щекѣ я тотчасъ узналъ въ немъ героя Чесменскаго. На немъ былъ генеральскій мундиръ, безъ шитья, хотя тогда и отставные шитье могли носить; сверхъ того Андреевская лента, а подъ ней Георгіевская первой степени. Онъ стоялъ съ прочими у камина. По-

дойдя къ нему, сказалъ я съ большою вѣжливостію: Государыня проситъ Ваше Сіятельство къ себѣ. Вдругъ лицо его возсіяло, и онъ, поклонясь мнѣ очень привѣтливо, пошелъ въ кабинетъ.

Чрезъ нѣкоторое время, графъ, встрѣтясь со мною во дворцѣ, спросилъ: »Вы обо мнѣ Государынѣ доложили?« — Она изволила приказать сама мнѣ васъ къ себѣ просить. — Съ того времени, при всякой встрѣчѣ показывалъ онъ мнѣ знаки благосклонности; но у Кн. Платона Александровича никогда онъ не бывалъ. Спустя нѣкоторое время, видѣлъ я, когда онъ представлялъ Государынѣ въ Зимнемъ Дворцѣ, въ уборной, дочь свою Графиню Анну. Графъ былъ въ военномъ аншефскомъ мундирѣ съ шитьемъ, а дочь въ бѣломъ кисейномъ платьѣ и въ бриліантахъ. Государыня приласкала ее рукою за подбородокъ, похвалила и въ щечку поцѣловала. Когда они вышли, то Государыня сказала бывшимъ тутъ: »эта дѣвушка много добраго обѣ»щаетъ.« Представленіе въ уборной почиталось знакомъ особенной милости Царской. — Графъ

Алексѣй Григорьевичь хотя былъ и въ отставкѣ и обыкновенно жилъ въ Москвѣ, но находился въ особенной милости у Государыни; писалъ къ ней письма, и всегда получалъ собственноручные отъ нея отвѣты...

Но Кн. Потемкинъ въ собственноручныхъ письмахъ къ Государынѣ писалъ: »Матушка род-»ная, прошу тебя,« и проч. Государыня къ нему въ приватныхъ собственноручныхъ письмахъ писала: »Другъ мой, Князь Григорій Александровичь!« также и во второмъ лицѣ, что̀ было зна̀комъ особенной милости.

Въ покояхъ Императрицы, какъ и во всемъ дворцѣ, соблюдалась какая-то торжественная важность. При первомъ взглядѣ замѣтно было, что хозяйка болѣе нежели Монархиня. Даже въ отсутствіе ея посѣтитель наполнялся невольнымъ уваженіемъ и внутреннимъ благоговѣніемъ къ великому ея генію. Обыкновенные, а потому и многолюднѣйшіе пріѣзды во дворецъ были по воскреснымъ днямъ; кто имѣлъ право носить шпагу, тотъ могъ войдти въ общую залу передъ кавалергардами.

Ни малѣйшаго не видимо было надзора и каждому двери были открыты; ни внизу, ни на лѣстницѣ, ни въ залахъ никого не приказано было спрашивать: кто вы и куда идете.

Извѣстно, что Императрица проводила по обыкновенію лѣто въ Царскомъ Селѣ, гдѣ входовъ во дворецъ много, и всѣ открыты. Въ эпоху самаго сильнаго безначалія во Франціи, послѣ умерщвленія Короля, распространили слухъ, что тамошніе демагоги разсылали подобныхъ себѣ злодѣевъ для покушенія на жизнь Государей. Въ сіе время былъ дежурнымъ Генералъ-Адъютантомъ П. Б. Пассекъ, который вздумалъ при каждомъ входѣ удвоить караулы; но Императрица, узнавъ о семъ, приказала немедленно это отмѣнить.

На краю общей залы (которая окнами была къ дворцовой площади) была дверь, по сторонамъ которой стояли кавалергарды изъ армейскихъ офицеровъ, въ кирасахъ и въ трехъугольныхъ шляпахъ, съ ружьями къ ногѣ. Здѣсь начинался этикетъ входовъ. За кавалергардовъ

могли входить тѣ только, кто былъ написанъ въ данномъ имъ спискѣ. Но и изъ сихъ большая часть не имѣла права входить далѣе тронной, за которою находилась бриллiантовая, а за сею уборная комната; въ сiю послѣднюю входили только собственно при дѣлахъ бывшiе и еще немногiя другiя, особенно ей извѣстныя персоны. Въ обыкновенные дни, Государыня въ Зимнемъ Дворцѣ вставала въ 7 часовъ; до 9 занималась въ зеркальномъ кабинетѣ, по большой части сочиненiемъ устава для Сената (я говорю о томъ времени, когда я при Ея Величествѣ находился); въ 10-мъ часу выходила въ спальню и садилась на стулъ (а не въ креслахъ), обитый бѣлымъ штофомъ, предъ выгибнымъ столикомъ, къ коему приставляемъ былъ еще другой таковой же, обращенный выгибомъ въ противную сторону, для докладчика; и передъ нимъ стулъ. Въ сiе время дожидались въ уборной всѣ имѣвшiе дѣла для доклада; а дежурный камердинеръ въ собственномъ платьѣ тогдашняго наилучшаго покроя и произвольнаго цвѣта (мундировъ тогда, кромѣ лакейскихъ и камеръ-лакейскихъ, придворные чины и служи-

тели не носили), въ башмакахъ, черныхъ шелковыхъ чулкахъ и съ пудреною прическою, стоялъ у дверей спальни; по звонку колокольчика онъ входилъ въ спальню, и получалъ приказаніе позвать прежде всѣхъ Оберъ-Полицмейстера. За нимъ входили, по призыву, и съ докладами всѣ прочіе. Вошедшій поклонялся по обыкновенію, цѣловалъ руку, и, когда угодно ей это было, и если имѣлъ дѣла для доклада, то, по данному знаку, садился за столикъ противъ Государыни, и докладывалъ.

Фельдмаршалъ Суворовъ вошедши дѣлалъ три земныхъ поклона передъ образомъ; а потомъ, обратясь, дѣлалъ земной поклонъ Государынѣ, которая никакъ не могла его уговорить такъ низко не кланяться. »Помилуй, Александръ Васильевичь, что̀ ты дѣлаешь!« говорила она, поднимая и усаживая его. — »Матушка! отвѣчалъ онъ: послѣ Бога ты одна моя надежда.«

Статсъ-Секретари ежедневно, Вице-Канцлеръ по четвергамъ, а Генералъ-Прокуроръ по воскресеньямъ, съ сенатскими меморіями. Въ двѣнад-

цать часовъ слушаніе дѣлъ прекращалось; Государыня выходила въ малый кабинетъ, для прически волосъ, которые тогда довольно еще были густы; прическа оканчивалась не болѣе какъ въ четверть часа. Въ сіе время приходили оба Великіе Князья, а иногда Великія Княжны, для поздравленія съ добрымъ днемъ. Послѣ Государыня выходила въ уборную для наколки головнаго убора, что̀ также не болѣе четверти часа продолжалось; при семъ представляться могли всѣ тѣ, кои имѣли въ уборную входъ, и нѣсколько камеръ-юнгферъ. Чепчикъ накалывала А. Ал. Полокучи, Гречанка, пожилая дѣвица и глухая; булавки держали двѣ сестры Звѣревы, дѣвицы зрѣлыхъ лѣтъ, которыя въ молодости слыли красавицами; ледъ на блюдѣ и полотенце держала Марья Степановна Алексѣева, также дѣвица немолодая, собою видная, густо нарумяненная, но некрасивая. Во время наколки чепчика Государыня обтирала лицо льдомъ и разговаривала съ нѣкоторыми изъ присутствующихъ тутъ, въ числѣ коихъ нерѣдко бывали у туалета ея Шталмейстеръ Левъ Александровичь Нарышкинъ и Александръ Сергѣ-

евичъ Строгоновъ; съ ними охотно Государыня любила разговаривать. По окончаніи туалета Государыня возвращалась въ спальню одна, а камеръ-юнгферы выходили другою дверью въ передъуборную комнату, и послѣ входили въ спальню для одѣванья; при чемъ находилась уже и Марья Савишна. Одѣвшись, до обѣда Государыня занималась чтеніемъ книгъ или слѣпками камеевъ, которые она иногда дарила. Въ два часа садилась за столъ; послѣ обѣда время проходило въ чтеніи иностранной почты, въ тѣ дни, когда она приходила, а въ другіе или чтеніемъ какого-либо сочиненія, до законодательства относящагося, или помянутыми снимками камеевъ. Въ Царскомъ Селѣ, въ долгіе лѣтніе дни иногда немного спала. Въ шесть часовъ начиналось вечернее собраніе въ ея покояхъ, или въ театрѣ, въ эрмитажѣ; въ десятомъ часу всѣ разъѣзжались, и въ одиннадцать часовъ Императрица почивала.

Образъ жизни Императрицы въ послѣдніе годы былъ одинаковъ. Въ зимнее время имѣла она пребываніе въ большомъ Зимнемъ Дворцѣ,

въ среднемъ этажѣ, надъ правымъ малымъ подъѣздомъ, противъ бывшаго Брюсовскаго дома, гдѣ нынѣ находится экзерцпргаузъ. Собственныхъ ея комнатъ было немного: взойдя на малую лѣстницу, входишь въ комнату, гдѣ на случай скораго отправленія приказаній Государыни стоялъ за ширмами для Статсъ-Секретарей и другихъ дѣловыхъ особъ письменный столъ съ приборомъ; комната сія окнами къ маленькому дворику; изъ ней входъ въ уборную, которой окна были на дворцовую площадь; здѣсь стоялъ уборный столикъ; отсюда были двѣ двери: одна направо въ брилліантовую комнату, а другая налѣво въ спальню, гдѣ Государыня обыкновенно дѣла слушала. Изъ спальни входили прямо во внутреннюю уборную, а налѣво въ кабинетъ и зеркальную комнату, изъ которой одинъ ходъ въ нижніе покои, а другой прямо чрезъ галлерею въ такъ называемый »ближній домъ;« въ сихъ покояхъ Государыня жила иногда до весны, а иногда и прежде въ Таврическій Дворецъ переѣзжала. Дворецъ сей построенъ Княземъ Потемкинымъ на берегу Невы. Главный корпусъ онаго былъ въ одинъ этажъ,

кажется нарочно, дабы Государыня высокимъ входомъ не была обезпокоена. Здѣсь ея покои были просторнѣе, чѣмъ въ Зимнемъ Дворцѣ, особливо кабинетъ, въ которомъ она слушала.

Въ первыхъ числахъ Мая выѣзжала всегда инкогнито въ Царское Село, откуда въ Сентябрѣ также инкогнито въ Зимній Дворецъ возвращалась. Въ Царскомъ Селѣ пребываніе имѣла въ покояхъ довольно пространныхъ и со вкусомъ убранныхъ. Всѣмъ извѣстна великолѣпная галлерея, въ которой Государыня иногда прохаживалась, особливо въ воскресные дни, когда садъ наполненъ былъ множествомъ пріѣзжаго изъ С.-Петербурга народа; дѣла же слушала или въ кабинетѣ или въ спальнѣ.

Во всѣхъ мѣстахъ ея пребыванія время и занятія Императрицы распредѣлены были слѣдующимъ порядкомъ. Она вставала въ 7 часу утра и до 9-го занималась въ кабинетѣ письмомъ (въ послѣднее время сочиненіемъ Сенатскаго устава). Однажды она между разговорами сказала: что не пописавши нельзя и одного дня прожить. Въ это же время пила одну чашку

кофею безъ сливокъ; въ 9 часовъ переходила въ спальню, гдѣ у самаго почти входа изъ уборной подлѣ стѣны садилась на стулъ, имѣя предъ собою два выгибные столика, которые впадинами стояли одинъ къ ней, а другой въ противоположную сторону, и предъ симъ послѣднимъ поставленъ былъ стулъ. Въ сіе время на ней обыкновенно былъ бѣлый гродетуровый шлафорокъ или капотъ, а на головѣ флеровый бѣлый же чепецъ, нѣсколько на лѣвую сторону наклоненный. Не смотря на 65 лѣтъ, Государыня еще имѣла довольную въ лицѣ свѣжесть, руки прекрасныя, всѣ зубы въ цѣлости, отъ чего говорила твердо, безъ шамшанья, только нѣсколько мужественно; читала въ очкахъ и притомъ съ увеличительнымъ стекломъ. Однажды позванъ будучи съ докладами, увидѣлъ ее читающею такимъ образомъ. Она улыбаясь сказала: »Вѣрно вамъ еще не нуженъ этотъ сна»рядъ? Сколько вамъ отъ роду лѣтъ?« И когда я сказалъ: двадцать шесть, то она прибавила: »А мы въ долговременной службѣ госу»дарству притупили зрѣніе и теперь принуж»дены по необходимости очки употреблять.« Мнѣ

показалось, что мы сказано было не для изъявленія величества, а въ простомъ смыслѣ. — Въ другой разъ отдавая мнѣ собственноручную записку о пріисканіи нѣкоторыхъ справокъ для сочиненнаго ею устава для Сената, она сказала: »Ты не смѣйся надъ моею Русскою ороографіею. Я тебѣ скажу, почему я не успѣла ее »хорошенько узнать: по пріѣздѣ моемъ сюда, я »съ большимъ прилежаніемъ начала учиться Рус»скому языку. Тетка Елисавета Петровна, узнавъ »объ этомъ, сказала моей гофмейстеринѣ: полно »ее учить, она и безъ того умна. Такимъ обра»зомъ могла я учиться Русскому языку только »изъ книгъ, безъ учителя, и это есть причина, »что я плохо знаю правописаніе.« Впрочемъ Государыня говорила по-русски довольно чисто, и любила употреблять простыя и коренныя Русскія слова, которыхъ она множество знала. — »Я очень рада, сказала она мнѣ: что ты знаешь »канцелярскій порядокъ. Ты первый будешь »Сенату исполнитель моего устава. Но я васъ »предупреждаю, что сенатская канцелярія одо»лѣла Сенатъ, который хочу я отъ канцеля»ріи освободить. За несправедливыя же рѣшенія

Статсъ-Секретари; въ одиннадцатомъ же часу прiѣзжалъ Графъ Безбородко; для другихъ же чиновъ назначены были въ недѣлѣ особые дни: для Вице-Канцлера, Губернатора, Губернскаго Прокурора Петербургской Губернiи — суббота; для Генералъ-Прокурора — понедѣльникъ и четвергъ; среда для синодальнаго Оберъ-Прокурора и Генералъ-Рекетмейстера; четвертокъ для Главнокомандующаго въ Санктпетербургѣ. Но всѣ сiи чины въ случаѣ важныхъ и не терпящихъ времени дѣлъ могли и въ другiе дни прiѣзжать и по онымъ докладывать.

Первый по позыву являлся къ Государынѣ Оберъ Полицмейстеръ, Бригадиръ Глазовъ, съ словеснымъ донесенiемъ о благосостоянiи столицы и о другихъ происшествiяхъ, и съ запиской, на одной четверткѣ листа написанной въ полицiи некрасиво и неправильно, о прiѣхавшихъ и выѣхавшихъ изъ города, наканунѣ того дня, разныхъ званiя людяхъ, которымъ угодно было о себѣ на заставѣ сказать, ибо часовые никого чрезъ заставу не останавливали и ни о чемъ ихъ не спрашивали, да и шлагба-

»положу наказаніе: да будетъ ему стыдно.« При семъ я сказалъ: кромѣ Сената и по другимъ мѣстамъ, которыя руководствуются Генеральнымъ Регламентомъ, существуютъ въ производствѣ дѣлъ большія неудобства и затрудненія, требующія исправленія. — »Я очень бы желала »видѣть эти неудобства и эти затрудненія, о »которыхъ ты мнѣ такъ смѣло изволишь гово»рить. Генеральный Регламентъ есть одинъ изъ »лучшихъ уставовъ Петра Великаго.« — Въ послѣдствіи представилъ я Ея Величеству замѣчанія мои на Генеральный Регламентъ, которыя въ каждые почти послѣ-обѣда, во время пребыванія Государыни въ Царскомъ Селѣ 1796 года, я предъ нею читалъ, и которыя въ полной мѣрѣ удостоены были всемилостивѣйшаго одобренія. (Замѣчанія сіи съ прочими дѣлами должны находиться въ Архивѣ Иностранной Коллегіи). — Государыня, занявъ вышеписанное свое мѣсто, звонила въ колокольчикъ, и стоявшій безъотходно у дверей дежурный камердинеръ туда входилъ, и вышедъ, звалъ кого приказано было. Въ сіе время собирались въ уборную ежедневно Оберъ - Полицмейстеръ и

умовъ тогда не было; выѣздъ за долги изъ столицы не былъ воспрещенъ; каждый получалъ отъ Губернатора подорожную во всякое время и безъ всякой платы и выѣзжалъ изъ города, когда хотѣлъ; посему реэстръ прiѣзжихъ и выѣхавшихъ не могъ быть длинный. — По выходѣ Оберъ-Полицмейстера, Статсъ-Секретари, имѣвшiе дѣла, чрезъ камердинера докладывались и поодиночкѣ были призваны; въ семъ числѣ и я находился. — При входѣ въ спальню наблюдался слѣдующiй обрядъ: дѣлалъ Государынѣ низкiй поклонъ, на который отвѣчала она наклоненiемъ головы, съ улыбкою подавала мнѣ руку, которую я, взявъ въ свою, цѣловалъ и чувствовалъ сжатiе моей собственной руки, потомъ говорила мнѣ садиться. Сѣвши на поставленномъ противъ нея стулѣ, клалъ я на выгибной столикъ бумаги и начиналъ читать. Я полагаю, что и прочiе докладчики при входѣ къ Государынѣ то же самое дѣлали, и такой же прiемъ имѣли.

Около 11-го часу прiѣзжали и по докладу были передъ Государыню допускаемы прочiе

вышеупомянутые чины, а иногда Фельдмаршалъ Графъ Суворовъ-Рымникскій, бывшій тогда послѣ завоеванія Польши въ С.-Петербургѣ *). Сей, вошедши въ спальню, дѣлалъ прежде три земные поклона предъ образомъ Казанскія Богоматери, стоявшимъ въ углу на правой сторонѣ дверей, предъ которымъ лампада горѣла неугасимая; потомъ, обратясь къ Государынѣ, дѣлалъ и ей одинъ земной поклонъ, хотя она и старалась его до этого не допускать, и говорила, поднимая его за руку: »Помилуй, Александръ »Васильевичь, какъ тебѣ не стыдно это дѣ»лать!« Но герой обожалъ и почиталъ священнымъ долгомъ изъявлять ей такимъ образомъ свое благоговѣніе. Государыня подавала ему руку, которую онъ цѣловалъ какъ святыню, и просила его на вышеозначенномъ стулѣ противъ нея садиться, и чрезъ двѣ минуты его отпускала. Сказывали, что такой же поклонъ дѣлалъ и Гр. Безбородко и нѣкоторые другіе, только

(*) Здѣсь, равно и въ другихъ мѣстахъ, есть повторенія; мы оставили ихъ тѣмъ болѣе, что при нихъ встрѣчаются обыкновенно новыя обстоятельства. *Ред.*

безъ земныхъ поклоновъ передъ Казанскою.] При сихъ докладахъ и представленіяхъ, въ Зимнемъ и Таврическомъ Дворцахъ, военные чины были въ мундирахъ со шпагами и въ башмакахъ, въ праздники же въ сапогахъ; а статскіе въ будни въ простыхъ французскихъ кафтанахъ, а въ праздничные дни въ нарядныхъ платьяхъ; но въ Царскомъ Селѣ, въ будни, какъ военные, такъ и статскіе, носили фраки, и только въ праздники надѣвали: первые, мундиры, а послѣдніе, французскіе кафтаны со шпагами.

Государыня занималась дѣлами до 12 часовъ, а послѣ, во внутренней уборной, старый ея парикмахеръ Козловъ убиралъ волосы. Прическа ея была по старинной модѣ, съ небольшими назади ушей буклями, невысокая и очень простая. Потомъ выходила въ уборную, гдѣ мы всѣ дожидались, чтобы ее увидѣть, и въ это время общество наше прибавлялось четырьмя пожилыми дѣвицами, которыя приходили для служенія Государынѣ при туалетѣ. Одна изъ нихъ, М. С. Алексѣева, подавала ледъ, которымъ Государыня терла лицо, можетъ быть въ до-

казательство, что она другихъ притираній не любила; другая, А. А. Полокучи, накалывала флеровую наколку, а двѣ сестры Звѣревы подавали ей булавки. Туалетъ сей продолжался не болѣе десяти минутъ, въ которое время Государыня разговаривала съ кѣмъ-нибудь изъ присутствующихъ тутъ, въ числѣ коихъ нерѣдко бывалъ Оберъ-Шталмейстеръ Левъ Сергѣевичь Нарышкинъ, а иногда Графъ А. С. Строгоновъ, всегдашніе ея собесѣдники. Раскланявшись съ предстоящими, Государыня возвращалась съ камеръ-юнгферами въ спальню, гдѣ, при помощи ихъ и Марьи Савишны, одѣвалась для выхода къ обѣду; а мы всѣ во-свояси отправлялись. Платье Государыня носила въ простые дни шелковое, однимъ почти фасономъ сшитое, который назывался тогда молдаванскимъ; верхнее было по большой части лиловое или дикое, безъ орденовъ, а подъ нимъ бѣлое; въ праздники же парчевое съ тремя орденами: звѣздами Андреевскою, Георгіевскою и Владимірскою; а иногда и всѣ ленты сихъ орденовъ на себя надѣвала и малую корону; башмаки носила на каблукахъ, не очень высокихъ.

Обѣденный столъ ея былъ въ сіе время во 2-мъ часу по-полудни. Въ будни обыкновенно приглашаемы были къ столу, изъ дамъ камеръ-фрейлина Протасова и Графиня Браницкая, а изъ мужчинъ тѣ, кои съ нею кушали, были каждый разъ приглашаемы: дежурный Генералъ-Адъютантъ П. В. Пассекъ, А. А. Нарышкинъ, Графъ Строгоновъ, два эмигранта французскіе: добрый Графъ Эстергази и черный Маркизъ де-Ламбертъ; иногда Вице-Адмиралъ Рибасъ, Генералъ - Губернаторъ Польскихъ губерній Тутолминъ и наконецъ Гофмаршалъ Кн. Барятинскій; въ праздничные дни сверхъ сихъ были званы еще и другіе изъ военныхъ и статскихъ чиновниковъ, въ Петербургѣ бывшихъ, до 4-го, и въ чрезвычайныя торжества до 6-го класса. — Ежедневный обѣдъ Государыни не болѣе часа продолжался. Въ пищѣ она была крайне воздержна: никогда не завтракала, и за обѣдомъ не болѣе какъ отъ трехъ или четырехъ блюдъ умѣренно кушала; изъ винъ же одну рюмку рейнвейну или венгерскаго вина пила, и никогда не ужинала; чрезъ что̀ до 65 лѣтъ, не смотря на трудолюбивый образъ жизни, была

довольно здорова и бодра. Хотя же иногда на ногахъ у ней и оказывалась опухоль и открывались раны; но припадки сіи болѣе служили къ очищенію мокротъ, слѣдовательно къ поддержанію здоровья; и увѣряютъ, что смерть ей приключилась единственно отъ закрытія на ногахъ ранъ.

Послѣ обѣда всѣ гости тотчасъ уѣзжали. Государыня оставалась одна; лѣтомъ иногда почивала, но въ зимнее время никогда; до вечерняго же собранія иногда слушала иностранную почту, которая два раза въ недѣлю приходила; иногда книгу читала, а иногда дѣлала бумажные слѣпки съ камеевъ, что̀ случалось и при слушаніи почты, которую часто читали или П. А., или графъ Марковъ.... или Поповъ, который, однакоже, по худому выговору французскаго языка, рѣдко былъ для чтенія сего призываемъ, хотя въ это время всегда почти въ секретарской комнатѣ находился. — Въ шесть часовъ собирались вышеупомянутыя и другія извѣстныя Государынѣ и ею самою назначенныя особы,

для провожденія вечернихъ часовъ. Въ эрмитажные дни, которые обыкновенно были по четвергамъ, былъ спектакль, на который приглашаемы были многія дамы и мужчины, которые послѣ спектакля домой уѣзжали; въ прочіе же дни собраніе было въ покояхъ Государыни. Она играла въ рокомболь или вистъ, по большой части съ П. А., Е. В. Чертковымъ и съ Гр. А. С. Строгоновымъ; такъ же и для прочихъ гостей столы съ картами были поставлены. Въ 10-мъ часу Государыня уходила во внутренніе покои; гости уѣзжали; въ 11-мъ часу она была уже въ постелѣ, и во всѣхъ чертогахъ царствовала глубокая тишина.

Прежде Наслѣдникъ съ Супругою часто у Государыни кушали и въ вечернихъ собраніяхъ бывали; но въ послѣднія пять лѣтъ дѣлали это въ одни только чрезвычайныя торжества. Молодые же Великіе Князья съ супругами нерѣдко у Государыни обѣдали и на вечернихъ собраніяхъ бывали, особливо въ Царскомъ Селѣ. — Выходы и пріемныя аудіэнціи были двоякіе:

малые по воскресеньямъ и церемоніальные; въ первомъ случаѣ Государыня выходила въ 10 часовъ утра въ церковь, изъ внутреннихъ покоевъ, чрезъ столовую, малою боковою церковною дверью, безъ большаго штата, и становилась на своемъ мѣстѣ, позади праваго клироса; за нею стояли два камеръ-пажа, съ мантильей и съ платками; нѣсколько отступя назадъ, стояли (въ большіе торжественные дни) Наслѣдникъ съ Супругою, а еще подалѣе молодые Великіе Князья съ своими супругами. — Послѣ обѣдни выходилъ изъ алтаря Архіерей для поздравленія, благословляя ее, давалъ ей цѣловать руку и самъ у нея руку цѣловалъ. Послѣ сего Государыня выходила изъ церкви въ западную большую дверь, чрезъ такъ называемую большую пріемную залу, гдѣ представлялись ей чужестранные министры и другія особы, черезъ Оберъ-Камергера И. И. Шувалова, или старшаго по немъ Камергера. При семъ возвращеніи шли впереди Камеръ-Юнкеры и Камергеры, по шести человѣкъ, по два въ рядъ; подлѣ Государыни, по правую сторону Оберъ-Камергеръ, по лѣвую

Шталмейстеръ (Графъ Н. А. Зубовъ), за ними Статсъ-дамы и Фрейлины.

Государыня входила въ тронную со всею своею свитою, куда входили также и всѣ имѣвшіе входъ за кавалергардовъ, которые стояли у дверей сего покоя. Вошедши, здѣсь Государыня со всею останавливалась свитою, принимала поздравленія и допускала къ рукѣ всѣхъ знатнѣйшихъ обоего пола особъ, изъ которыхъ со многими рзговаривала, но съ нѣкоторыми никогда ничего не говорила. — Она стояла одна, шага на четыре передъ собраніемъ, и подходила къ тому, съ кѣмъ говорить хотѣла; разумѣется, что никто изъ собранія разговора съ нею начинать не могъ.

Въ большія торжества находился тутъ же и Наслѣдникъ съ Супругою и стоялъ въ далекомъ разстояніи, держа ее за руку и наблюдая молчаніе, и не прежде къ Государынѣ приближался, какъ когда она сама къ нему подходила, чтобъ сказать два слова, на которыя

онъ отвѣчалъ съ глубокимъ почитаніемъ. Сія аудіэнція рѣдко болѣе получаса продолжалась.

Большіе выходы отличались отъ сихъ тѣмъ, что по особому церемоніалу, Государыня выходила въ церковь слушать литургію, чрезъ бриліантовую, тронную и кавалергардскую залы, съ большею свитою, въ богатыхъ платьяхъ, и тѣмъ же путемъ въ тронную возвращалась.

МЫСЛИ ЕКАТЕРИНЫ ВЕЛИКОЙ О ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

Екатерина объявила себя торжественно покровительницею прежняго правленія во Франціи, и дѣлала большія доказательства для возстановленія онаго. »Мы не должны, »говорила »она«, предать добродѣтельнаго Короля въ жер»тву варварамъ. Ослабленіе монархической вла»сти во Франціи подвергаетъ опасности всѣ »другія монархіи. Древніе за одно утѣсненное »правленіе воевали противу сильныхъ: почему »же Европейскіе Государи не устремятся на по»мощь Государю и его семейству, въ заточеніи »находящемуся? Безначаліе есть злѣйшій бичь, »особливо когда дѣйствуетъ подъ личиною сво-

»боды, сего обманчиваго призрака народовъ. Ев-
»ропа вскорѣ погрузится въ варварство, если не
»поспѣшатъ ее отъ онаго предохранить. Съ моей
»стороны я готова воспротивиться всѣми моими
»силами. Пора дѣйствовать и приняться за ору-
»жіе для устрашенія сихъ бѣснующихся! Бла-
»гочестіе къ сану возбуждаетъ, религія пове-
»лѣваетъ, человѣчество призываетъ, а съ нимъ
»драгоцѣнныя и священныя права Европы се-
»го требуютъ.«

ЗАПИСКИ, КАСАЮЩІЯСЯ ДО СЛУЖБЫ

СТАТСЪ-СЕКРЕТАРЯ А. М. ГРИБОВСКАГО,

И ПРОЧИХЪ ЛИЦЪ.

1792 года.

Января 14. По пріѣздѣ въ С.-Петербургъ, остановился въ нанятой квартирѣ.

15. Явился къ В. С. П., который мнѣ объявилъ, что я произведенъ въ Надворные Совѣтники и награжденъ орденомъ 4-й степени Владиміра; а о себѣ сказалъ: »Я на почтовыхъ далеко обогналъ моихъ сверстниковъ.« Онъ получилъ Александровскій орденъ въ чинѣ Генералъ-Маіорскомъ, по случаю бытности при дѣлахъ у Князя Потемкина, который, какъ извѣстно, умеръ въ Октябрѣ 1791 года. — По

сему же случаю даны ордена племянникамъ покойнаго Князя: Генералъ-Поручикамъ Самойлову Андреевскій и Энгельгардту Александровскій; два камердинера его, Секретаревъ и Кошечкинъ, взяты въ томъ же званіи ко Двору; равнымъ образомъ и многимъ, при немъ бывшимъ, какъ въ канцеляріи, такъ и при собственной его особѣ, сдѣланы разныя награжденія и даны мѣста.

Того же дня ввечеру поѣхалъ я во дворецъ, чтобъ отдать письмо, данное мнѣ въ Яссахъ Генераломъ Безбородко къ Платону Александровичу Зубову, за которое письмо я обязанъ былъ О. М. де-Рибасу. Какъ мнѣ желалось вручить сіе письмо лично, то и допущенъ я былъ въ спальню и оное вручилъ. — П. А. сидѣлъ тогда въ низкихъ креслахъ, положивъ ноги на табуретъ, что̀ было всегдашнею его привычкою. Онъ, прочитавъ письмо, сдѣлалъ мнѣ небольшое наклоненіе головою, что̀ кажется значило и привѣтствіе и отпускъ; но я, увидѣвъ стоявшаго предъ нимъ Г. Р. Державина, съ которымъ я имѣлъ до того частую переписку, подошелъ

къ нему, и поцѣловавшись съ нимъ, немедленно вышелъ.

16. Призванъ будучи къ В. С. П., узналъ отъ него, что П. А. Зубовъ желаетъ имѣть меня при дѣлахъ, ему порученныхъ, и чтобы я къ нему явился. Толь скорая перемѣна моей службы тогда меня удивила, но я послѣ узналъ, что П. А. давно имѣлъ сіе намѣреніе. — Писанное мною изъ Яссъ къ Державину письмо о смерти Князя Потемкина, которое составляло тогда весьма любопытную новость, было ему показано и ему полюбилось. Вчерашній день узнавъ отъ Державина, что я былъ сочинитель означеннаго письма, призвалъ Попова и велѣлъ ему объявить о своемъ намѣреніи.

17. Поутру вошелъ я въ покои къ П. А., которыхъ третьяго дня по причинѣ вечера не могъ я разсмотрѣть: это первый этажъ, подъ названіемъ малаго этажа, выходящій на дворцовую площадь, на самомъ углу Милліонной. — П. А. былъ еще въ шлафоркѣ, обшитомъ собольими хвостами. Въ то время никого въ спальнѣ

не было, кромѣ родственника его Козицкаго. Подошедъ ко мнѣ, сказалъ тихо: »Здравствуй! Если ты желаешь со мною служить, то мы поладимъ.« На сей комплиментъ я отвѣчалъ ему утвердительно.... Тогда было отъ роду ему 24, а мнѣ 26 лѣтъ.

18. Послана записка въ Кабинетъ о исключеніи меня изъ вѣдомства онаго, и другая къ Графу Н. И. Салтыкову о переименованіи въ подполковники, что̀ въ скорости и было исполнено, съ причисленіемъ въ Изюмскій легко-конный полкъ, и съ предписаніемъ считать при Генералъ-Адъютантѣ П. А. Зубовѣ, который недавно получилъ сіе званіе, приносящее чинъ Генералъ-Поручика, а вслѣдъ за симъ пожалованъ Графомъ Римской Имперіи.

20. Отведены для жительства моего небольшіе покои въ старомъ Брюсовомъ домѣ, по Милліонной, противу 2-го дворцоваго корпуса, гдѣ послѣ помѣщенъ былъ, послѣ брака, дворъ Великаго Князя Константина Павловича, съ мебелью. Также назначено отъ придворной

конторы по 50 руб. въ день на столъ, кромѣ напитковъ, который въ самомъ дѣлѣ и пяти рублей не стоилъ; напитки же особо въ довольномъ количествѣ. Столъ Графа П. А., Гр. Ник. Ив. и Графини Браницкой стоилъ придворной конторѣ по 400 рубл. каждому въ день, кромѣ напитковъ, которые, съ чаемъ, кофеемъ и шоколадомъ, стоили не менѣе половинной противу стола суммы.

По случаю отъѣзда Графа Безбородко на мѣсто покойнаго Князя Потемкина, для заключенія мира съ Портою, всѣ бывшія у него дѣла были препоручены Графу П. А., вмѣстѣ съ его канцеляріею; почему до возвращенія Гр. Безбородко всѣ дѣла въ означенной канцеляріи и правитель ея ежедневно являлись поутру къ Гр. П. А., съ представленіемъ заготовленныхъ для Высочайшаго подписанія бумагъ и для полученія новыхъ; почему и не могъ я имѣть никакихъ важныхъ занятій до самаго возвращенія Гр. Безбородко, который пріѣхалъ въ Петербургъ въ Мартѣ. Въ теченіе сего времени былъ ежедневнымъ свидѣтелемъ происходящаго

въ покояхъ П. А. и могъ бы пріобрѣсть нѣкоторыя въ придворной политикѣ свѣдѣнія, но признаюсь, что до самаго конца не имѣлъ въ семъ успѣха, отъ чего многое потеряно. При всемъ томъ, въ продолженіе почти двухъ мѣсяцевъ видѣлъ многихъ лицъ, бывшихъ или при дѣлахъ или просто въ обществѣ Государыни; сдѣлалъ о нихъ нѣкоторое замѣчаніе.

Графъ Н. Ив. Салтыковъ, виновникъ случая П. А., былъ имъ уважаемъ.

Онъ имѣлъ около 56 лѣтъ; былъ роста очень малаго, весьма худощавъ; имѣлъ носъ небольшой, острый, глаза каріе, не глупые, лицо всегда осклабленное, тупей высокій, причесанный, по тогдашнему обычаю, съ пудрою и помадою; носилъ на ногѣ фонтанель и отъ того ходя прихрамывалъ; когда стоялъ, то часто нижнее свое платье съ лѣвой стороны поддерживалъ; мундиръ носилъ военный, зеленый, который, равно какъ и камзолъ, были всегда на распашку, и вмѣсто сапоговъ носилъ штиблеты; подпирался костылькомъ. Былъ очень на-

боженъ и долго по утрамъ молился. Почитался человѣкомъ умнымъ и проницательнымъ, то есть весьма твердо зналъ придворную науку, но о государственныхъ дѣлахъ имѣлъ знаніе не превосходное; однакожъ, въ продолженіе четырехъ лѣтъ всѣ почти государственныя дѣла были сообщаемы на его уложеніе: но я не помню, чтобъ хотя по одному далъ онъ мнѣніе противное. Въ дѣлахъ же собственно ему порученныхъ управляемъ былъ своимъ письмоводителемъ, а въ домашнихъ Графинею неограниченно. Писалъ собственною рукою, по-старинному, затруднительно. Свойства былъ нетвердаго и ненадежнаго; случайнымъ раболѣпствовалъ, а упадшихъ чуждался. Сей-то человѣкъ представлялъ въ сіе время первое почти при дворѣ лицо, былъ Генералъ-Аншефъ, имѣлъ всѣ Россійскіе ордена, предсѣдательствовалъ въ Военной Коллегіи, которая тогда была въ полномъ своемъ дѣйствіи, и главнымъ при воспитаніи Великихъ Князей. Жилъ во дворцѣ со всею фамиліею, на всемъ придворномъ содержаніи, стоившемъ въ годъ 200 тысячъ рублей, въ которое время пріобрѣлъ, чрезъ сбереженіе своихъ доходовъ,

около 10 тысячь душъ, да жалованныхъ имѣлъ 6000 душъ и родовыхъ столько же; впрочемъ былъ крайне скупъ.

Вице-Канцлеръ *Графъ И. А. Остерманъ*, сынъ извѣстнаго при Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ Канцлера, служилъ въ разныхъ посольствахъ съ похвалою, и наконецъ, послѣ смерти Графа Н. И. Панина назначенъ былъ съ званіемъ Вице-Канцлера, Управляющимъ Государственною Коллегіею, въ вѣдомствѣ которой состояли всѣ посольскія дѣла, то есть наши миссіи при иностранныхъ Дворахъ и чужестранныя посольства при нашемъ.

Ему было отъ роду около 65 лѣтъ; росту былъ поболѣе средняго, худощавъ; ко двору являлся въ пудреномъ парикѣ съ кошелькомъ, въ французскомъ платьѣ разныхъ цвѣтовъ, въ праздники же въ глазетовомъ (мундировъ тогда въ статской государственной службѣ не знали), нижнее платье съ гулфикомъ, рѣдко въ башмакахъ, а по большей части въ черныхъ плисовыхъ сапогахъ; походку имѣлъ осанистую; слылъ

простымъ, но содержалъ свой департаментъ въ большомъ порядкѣ. Строго въ пріемѣ чужестранныхъ министровъ наблюдалъ установленный этикетъ; въ назначенные для пріема и для отвѣтовъ часы былъ весьма точенъ, чрезъ что̀ пріобрѣлъ отъ нихъ всеобщую довѣренность и уваженіе. Какъ первый изъ государственныхъ статскихъ чиновъ, онъ давалъ ежегодно четыре церемоніальныхъ обѣда въ четыре Императорскіе праздника: 21 Апрѣля, въ день рожденія Императрицы, 28 Іюня въ день восшествія ея на престолъ, 22 Сентября въ день ея коронованія, и 24 Ноября, въ день ея тезоименитства. Въ сіи дни приглашаемы были по билетамъ всѣ знатнѣйшіе въ городѣ военные, гражданскіе и придворные чины, въ томъ числѣ Статсъ-Секретари и чужестранные министры, въ Воронцовскій домъ, гдѣ онъ жилъ (нынѣ Пажескій Корпусъ), и гдѣ самъ, стоя у дверей гостиной, каждаго гостя встрѣчалъ, принималъ поздравленіе съ торжествомъ и пожималъ ему руку. Столъ былъ всегда на 300 кувертовъ, весь покрытъ серебряными блюдами, съ таковыми же крышками, въ два ряда. Питіе за здоровье Импе-

раторской фамиліи возвѣщали 12 трубъ съ литаврами; музыка же оркестрная при мнѣ ни одного раза не играла.

Графъ Остерманъ не имѣлъ дѣтей. Имѣнія за нимъ было родоваго 4,000 и 6,000 душъ жалованныхъ. Въ приватной жизни не былъ роскошенъ, однакожь жилъ какъ вельможа, велъ себя важно, но не гордъ. Въ торжественные дни ко Двору и въ Святую Недѣлю къ качелямъ выѣзжалъ одинъ, въ одноместной богато-позолоченной каретѣ, съ большими спереди и по сторонамъ стеклами, на шести бѣлыхъ лошадяхъ; сзади стояли два гайдука въ голубыхъ эпанчахъ (цвѣтъ ливреи Гр. Остермана), подъ которыми были казакины съ серебряными шнурками, похожіе на венгерокъ, а на головахъ высокіе картузы съ перьями и съ серебряными спереди бляхами, на которыхъ видно было вензеловое имя; передъ лошадьми же шли два скорохода, въ обыкновенномъ своемъ нарядѣ, съ булавчатыми тростьми, въ башмакахъ, не смотря ни на какую грязь.

Самъ же Графъ имѣлъ одинъ докладный день въ недѣлю, четвертокъ въ 11 часовъ утра; иностранную же почту и другіе доклады во всякое время присылалъ въ покои Государыни, въ конвертахъ, запечатанныхъ собственною его печатью, и подписанные собственноручно, съ курьеромъ Иностранной Коллегіи, для врученія ихъ камердинеру, который имѣлъ обязанность немедленно тѣ конверты подавать. Часто оные были получаемы послѣ обѣда, когда никого изъ секретарей ея въ покояхъ не было, кромѣ В. С. Попова, который очень худо по-французски читалъ; тогда посылали или за Гр. Марковымъ или за мною, и почта была прочитана, въ которой однакожъ большая часть донесеній цыфрами писалась, и между строкъ въ канцеляріи Вице-Канцлера на русскій или французскій языкъ переводилась. По прочтеніи сихъ бумагъ, Императрица, въ томъ же самомъ конвертѣ, посылала къ П. А. Зубову, откуда, по запечатаніи малою Императорскою печатью, на яшмѣ вырѣзанною, обращались онѣ къ Вице-Канцлеру. Въ назначенный день онъ не болѣе четверти часа или десяти минутъ былъ у Государыни.

дѣла его, какъ выше сказано, болѣе состояли въ охраненіи этикета Россійскаго двора въ разсужденіи иностранныхъ, чѣмъ въ управленіи политическими дѣлами, коими сама Императрица и нѣкоторыя ближайшія къ ней особы занимались. Изъ сего видно, что сей сановникъ малое имѣлъ при дворѣ значеніе.

Второй присутствующій въ иностранной Коллегіи былъ Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ *Графъ Безбородко.* Онъ былъ изъ Малороссійскихъ старшинскихъ дѣтей, служилъ сначала въ тамошней коллегіи и потомъ въ канцеляріи Фельдмаршала Графа Румянцева, въ чинѣ подполковника, во время съ Турками войны, въ которой Фельдмаршалъ былъ военачальникомъ. Государыня, замѣтивъ въ его донесеніяхъ болѣе складу чѣмъ въ реляціяхъ Семилѣтней Войны Бестужева и Апраксина, спросила его, нѣтъ ли у него двухъ способныхъ людей, которые могутъ при ней занять мѣста: Фельдмаршалъ представилъ ей достойными сего счастія Завадовскаго и Безбородку. Первый, какъ извѣстно, сначала обратилъ на себя осо-

бенное ея вниманіе, но вскорѣ уволенъ былъ отъ Двора, и чрезъ нѣсколько уже лѣтъ опять употребленъ былъ въ государственныя должности, однакожь не при лицѣ ея; но Безбородко до самой ея кончины при собственныхъ ея дѣлахъ находился въ большой довѣренности и въ многочисленныхъ занятіяхъ.

При острой памяти и нѣкоторомъ знаніи Латинскаго и Русскаго языковъ, не трудно ему было отличиться легкимъ сочиненіемъ указовъ тамъ, гдѣ бывшіе при Государынѣ вельможи, кромѣ Князя Потемкина, не знали Русскаго правописанія. Матерія для указовъ обыкновенно была обработываема въ Сенатѣ или другихъ департаментахъ основательно и съ присоединеніемъ приличныхъ къ оной законовъ и обстоятельствъ; стоило только сократить сіи записки и нѣсколько поглаже написать; часто надобно было одѣть только сіи записки въ указную форму. Конечно, не довольно было одного Кіевскаго и бурсацкаго ученія для успѣшнаго отправленія государственныхъ бумагъ: потребна была память и острота ума, коими Безбородко щедро былъ награж-

день, и при помощи которыхъ въ скоромъ времени понялъ онъ хорошо весь кругъ государственнаго управленія, такъ что въ продолженіе двадцати лѣтъ, съ 1776 по 1796 годъ, достигъ онъ первѣйшихъ чиновъ и пріобрѣлъ богатѣйшее состояніе и несмѣтныя сокровища въ вещахъ и деньгахъ, не теряя тѣмъ своей репутаціи.

Всѣ почти внутреннія дѣла, особливо тяжебныя о имѣніяхъ, доходившія до разрѣшенія Государыни, должны были чрезъ него ей представляемы и чрезъ него окончаніе свое получали; равнымъ образомъ чрезъ него же выходили указы о винныхъ откупахъ и другихъ важнѣйшихъ казенныхъ подрядахъ и поставкахъ и о наградахъ. Сверхъ того, какъ членъ Иностраннаго Министерства, при каждыхъ съ иностранными дворами заключаемыхъ трактатахъ, получалъ и онъ немалые подарки червонцами и бриліантами; сверхъ того, по званію Директора почтъ, распоряжался онъ всѣми суммами сего департамента нѣсколько лѣтъ сряду безотчетно. Предъ кончиною Государыни имѣлъ уже

онъ крестьянъ 16,000 душъ, соленыя озера въ Крыму и рыбныя ловли въ Каспійскомъ Морѣ. Къ сему Императоръ Павелъ прибавилъ въ Орловской Губерніи упраздненный городъ Дмитріевъ съ 12,000 крестьянъ. Однимъ словомъ, Гетману нашему, около 20 лѣтъ, рѣкою лилось богатство; да оно при склонности его къ лакомымъ столамъ и къ женщинамъ и нужно ему было. Надобны были чрезвычайныя суммы, чтобы удовлетворить сіи прихоти и притомъ собрать горы серебра и осыпать себя бриллiантами. Всѣмъ извѣстны праздники, данные имъ, въ 1793 году, по случаю мирнаго съ Турками торжества и прiѣзда, въ 1796 году, въ Петербургъ Шведскаго Короля. Во многихъ залахъ видны были горки (*), уставленныя старинными золотыми и серебряными сосудами необыкновенной величины. Самъ онъ въ торжественные праздники прiѣзжалъ ко двору въ великолѣпной позолоченной восьмистекольной каретѣ, имѣя на себѣ Андреевскую звѣзду, погонъ для ленты, пуговицы на кафтанѣ, эфесъ на шпа-

(*) Вышиною въ 6 и шириною въ 3 аршина.

гѣ и пряжки башмачныя, всѣ изъ брилліантовъ, не упоминая о драгоцѣнныхъ вещахъ, въ ящикахъ у него лежавшихъ, и которыхъ необыкновенная цѣна изумляла видѣвшихъ ихъ. Знатныхъ обществъ не любилъ, окромѣ торжественныхъ праздниковъ, гдѣ сама Императрица присутствовала; никогда въ оныхъ не бывалъ, да и вовсе для нихъ негодился, по своей неловкости. — Онъ имѣлъ около 45 лѣтъ отъ роду, былъ росту выше средняго, толстъ; лицо имѣлъ нѣсколько продолговатое и всегда веселое, носъ прямой, ротъ широкій, часто разинутый, глаза сѣрые, незначительные, лобъ короткій, станъ нескладный, ноги толстыя, на которыхъ бѣлые шелковые чулки всегда были складками, нерадиво спущены, и которыя, казалось, онъ съ нѣкоторымъ трудомъ передвигалъ. Но однако до ходьбы былъ охотникъ, и почти ежедневно, по выѣздѣ въ 12 часовъ изъ дворца, надѣвъ простой сюртукъ и также шляпу, пускался ходитъ пѣшкомъ. Онъ не былъ женатъ, и, кажется, былъ одинъ изъ первыхъ дѣловыхъ людей, которые въ сіе время подавали другимъ примѣръ къ вольной жизни. Въ лѣтнее время, на дачѣ

его, на Выборгской сторонѣ, бывали большія пирушки, часто съ пушечной пальбой, на которыя приглашены были всѣ его угодники, имъ взысканные и обогащенные, по большой части также съ своими пріятелями. Чтобъ имѣть понятіе о его щедрости къ своимъ, скажу, что Италіянской пѣвицѣ Давіи давалъ онъ мѣсячно на прожитокъ по 2,000 руб. золотомъ, и при отпускѣ ея въ Италію подарилъ ей деньгами и брилліантами на 500,000 рублей. Когда извѣстная Сандунова отъ него отстала и вышла за мужъ, то онъ взялъ на ея мѣсто танцовщицу Ленушку, отъ которой имѣлъ дочь, которую выдалъ потомъ за мужъ, давъ ей въ приданое имѣніе, приносившее ежегодно доходу 80,000 рублей, сверхъ того въ С.-Петербургѣ домъ въ 300,000 руб....

По заключеніи подъ его главнымъ руководствомъ съ Турками мира и по возвращеніи его изъ Яссъ, нашелъ онъ всѣхъ своихъ канцелярскихъ чиновниковъ при ихъ мѣстахъ; но всѣ дѣла Государыни, кои были въ его рукахъ, перешли, большая часть къ Г. Зубову, а прочія къ

Генералъ-Прокурору, такъ, что кромѣ совѣта, который дважды въ недѣлю собирался во дворецъ, и въ которомъ онъ былъ членомъ, не было почти никакой причины ему ко Двору пріѣзжать; но какъ прекращеніе его пріѣздовъ туда подало бы публикѣ поводъ выводить изъ сего непріятныя для него заключенія; а притомъ онъ зналъ, что собственныя Государынины дѣла переданы были Г. Зубову не по особенному на него неудовольствію, хотя необычайные расходы заставляли се сомнѣваться насчетъ его безкорыстія: то онъ ежедневно, или самъ во дворецъ пріѣзжалъ, или свою карету къ малому подъѣзду присылалъ, и такимъ образомъ старался злорѣчіе отвратить, и прежній кредитъ свой поддержать, къ чему и сама Государыня способствовала. Замѣтивъ, что онъ, пріѣхавъ во дворецъ, сиживалъ въ уборной и къ ней не являлся, приказала камердинерамъ своимъ каждый разъ объ немъ докладывать; но случалось, что онъ дежурнаго камердинера останавливалъ, говоря, что у него не было никакого дѣла; иногда же входилъ въ спальню для того только, чтобъ показать ей письмо изъ Констан-

тинополя, отъ племянника своего Кочубея, бывшаго тогда тамъ посланникомъ. Таковое его бездѣйствіе продолжалось по самую кончину Государыни, послѣ которой онъ, а особливо оскорбленная его партія заплатила намъ жестокимъ и безчеловѣчнымъ образомъ.

Графъ Марковъ въ числѣ покровительствуемыхъ Графомъ Безбородко чиновниковъ. Графъ Аркадій Ивановичь Марковъ занималъ одно изъ первыхъ мѣстъ и считался усерднымъ и довѣреннымъ его приверженцемъ. Онъ съ самой своей молодости служилъ по дипломатическому корпусу, долгое время находился при Парижской миссіи, во время Министра Князя Барятинскаго, секретаремъ и совѣтникомъ посольства, и умѣя писать на Французскомъ языкѣ, сдѣлался для покровителя своего, управлявшаго собственными по иностранной части Государыни дѣлами и весьма мало знавшаго чужестранные языки, необходимымъ. Онъ былъ произведенъ въ Тайные Совѣтники и сдѣланъ третьимъ присутствующимъ въ Иностранной Коллегіи; но работа его доходила до рукъ Императрицы чрезъ Безбородко.

Нѣкоторые, не зная Гр. Маркова, или, лучше, придворныхъ правилъ, думали, что при паденіи Безбородко, Марковъ или оставитъ службу, или никому не продастъ своего пера; но только узнавъ о желаніи П. А. Зубова употребить его для иностранной переписки, то въ тотъ же часъ оставилъ своего благодѣтеля и всею душею къ новому покровителю прилѣпился. Таковая сговорчивость доставила ему въ короткое время: Графское достоинство, ордена Александровскій и 1-й степени Владиміра, 4,000 душъ въ Подольской Губерніи, домъ каменный на дворцовой площади въ три этажа и подарки при заключеніи съ иностранными дворами трактатовъ, которые онъ, какъ членъ Иностранной Коллегіи, подписывалъ. Онъ до самой кончины Императрицы употребленъ былъ къ собственной ея по иностранной части перепискѣ, которая однакожъ всегда доходила до рукъ ея чрезъ П. А. Зубова, и по сей причинѣ всякій день пріѣзжалъ къ нему и считался въ числѣ его приближенныхъ.

Онъ имѣлъ отъ роду около 50 лѣтъ, былъ роста средняго, худощавъ, отъ оспы безобразенъ;

одѣвался потогдашнему щеголевато; имѣлъ свойство надменное, но вмѣсто съ тѣмъ гибкое и лукавое, былъ себялюбивъ и скупъ. Онъ не былъ женатъ, никого къ себѣ не принималъ и никому ни обѣдовъ, ни ужиновъ не давалъ, чрезъ что скопилъ много денегъ и бриллiантовъ.

Нѣкоторое время соперникомъ Графа Маркова по части иностранной былъ нѣкто *Алтести*, родомъ Рагузинецъ, молодой человѣкъ, хорошаго ученiя, знавшiй многiе восточные и Европейскiе языки и писавшiй по-французски умно, легко и складно. Онъ сдѣлался извѣстнымъ П. А. Зубову по случаю написанной имъ на Французскомъ языкѣ пiесы, въ которой онъ, въ высокихъ чертахъ своей героини, изобразилъ свойство Императрицы, и послалъ свое сочиненiе чрезъ почту на ея имя. Государыня, замѣтивъ дарованiе въ сочинителѣ и не спрашивая о его происхожденiи, велѣла П. А. Зубову употребить его по дѣламъ, ему порученнымъ, изъ которыхъ главныя были Польскiя. Алтести, находясь нѣкоторое время въ Варшавѣ при нашей миссiи, зналъ тамошнiя обстоятельства и пи-

салъ о возмущеніи Поляковъ на Французскомъ языкѣ небольшое сочиненіе, которое Государынѣ понравилось и было напечатано. По сему случаю и всѣ прочія по иностранной части дѣла и собственную Государыни переписку началъ отправлять Алтести; Марковъ же остался при П. А. почти безъ дѣла. Вскорѣ обращеніе съ нимъ П. А. сдѣлалось очень короткимъ: Алтести часто входилъ къ нему въ спальню въ шапкѣ, съ собакою; за столомъ, даже при чужестранныхъ министрахъ, говорилъ обо всемъ смѣло и свободно, особливо въ защиту тогдашней Французской Революціи. Одѣвался во фракъ, головы не пудрилъ и по тогдашнему времени имѣлъ видъ якобинца; но вскорѣ все перемѣнилось. — Оскорбленный имъ, Марковъ употребилъ все свое министеріальное искусство, чтобы опрокинуть толь опаснаго соперника. Не прошло еще полугода толь большому его кредиту, какъ въ одно утро увидѣлъ я его въ спальнѣ П. А. въ губернскомъ мундирѣ (который былъ тогда общій для всѣхъ гражданскихъ чиновниковъ) и въ прическѣ съ пудрою, и узналъ, что ему запрещено было иначе въ комнаты его приходить.

Въ слѣдъ за симъ и всѣ дѣла, бывшія у него на рукахъ, отданы были помощнику его по иностранной части, — и самъ онъ принужденъ былъ взять отпускъ на неопредѣленное время. Послѣ узналъ я, что нескромное его поведеніе, особливо тѣсное его знакомство съ Поляками, которые по усмиреніи и по раздѣлѣ ихъ отечества, наводняли собою Петербургъ, для испрошенія обратно своихъ помѣстьевъ, и которые къ управляющему ихъ дѣлами толпами приходили, — доведено до свѣдѣнія Императрицы, вѣроятно чрезъ тѣхъ же Поляковъ, по наущенію Маркова, которая велѣла П. А. отдалить его отъ себя, не исключая изъ вѣдомства Иностранной Коллегіи, гдѣ онъ числился и жалованье получалъ. Въ короткое время бытности его при П. А. Зубовѣ, получилъ онъ нѣсколько чиновъ и былъ тогда Коллежскимъ Совѣтникомъ, Владимірскій крестъ и при раздачѣ въ Польшѣ деревенъ до 600 душъ крестьянъ. Предъ кончиной Императрицы онъ изъ отпуска возвратился, но въ самый день ея смерти былъ новымъ Императоромъ изъ Петербурга высланъ и вскорѣ заключенъ въ Кіевскую крѣпость, гдѣ

до самой смерти сего Императора просидѣлъ. Послѣ сего, продавъ пожалованное ему имѣніе, изъ Россіи навсегда выѣхалъ. Такимъ образомъ Графъ Марковъ опять вошелъ въ прежнюю свою должность, при которой до самой кончины Императрицы оставался.

Генералъ-Маіоръ и *Статсъ-Секретарь В. С. Поповъ* былъ роста средняго, толстоватъ, станомъ нескладенъ, съ широкимъ носомъ; отъ роду имѣлъ около 55 лѣтъ; урожденецъ города Казани и по чертамъ лица казался Татарскаго происхожденія. Въ тамошней гимназіи получилъ онъ нѣкоторое знаніе Русскаго и Нѣмецкаго языковъ по правиламъ грамматики, и по-французски самъ собою немного выучился понимать книги, но говорить и писать на семъ языкѣ не могъ. Началъ служить въ канцеляріи Графа Панина, въ первую Турецкую войну, съ нижнихъ чиновъ, потомъ перешелъ къ Князю Долгорукову-Крымскому, при которомъ, наконецъ, былъ правителемъ его канцеляріи, во время, когда онъ былъ въ Москвѣ Главнокомандующимъ. Всеобщая любовь Московскихъ жителей къ Кн. Дол-

горукову за кроткое и мудрое его правленіе и за благоденствіе, коимъ Москва при немъ пользовалось, заставили думать, по его благородной простотѣ и по малому упражненію въ письменныхъ дѣлахъ, что толь его благоразумному правленію содѣйствуютъ люди, при дѣлахъ его находящіеся. По сему общему заключенію, когда въ 1779 году смерть сего достойнаго начальника у Москвы похитила, то Князь Г. А. Потемкинъ взялъ къ себѣ Попова, имѣвшаго тогда Маіорскій чинъ, правителемъ своей канцеляріи, и если не нашелъ въ немъ отличныхъ дарованій и глубокихъ свѣдѣній, коихъ онъ не имѣлъ, то увидѣлъ въ немъ необыкновенную къ дѣламъ прилежность и неусыпность, такъ что новый секретарь его не зналъ почти своей квартиры и мало раздѣвался, а безвыходно почти находился въ канцеляріи, бывшей въ однихъ покояхъ съ Княземъ, готовъ будучи во всякій часъ ночи, которыя Князь часто проводилъ отъ безсонницы безъ сна, во всей формѣ предъ нимъ явиться какъ скоро онъ его спроситъ. Симъ средствомъ и скорымъ и точнымъ исполненіемъ дѣлъ снискалъ онъ у Князя, почти неограни-

